

16. Франко З.Т. Лексична синонімія / З.Т. Франко // Фонетична, морфологічна і лексична системи українських говорів. – К. : Наук. думка, 1983. – С. 127-163.

Джерела

СУМГ – Словарь української мови : у 4 т. / [упоряд. з дод. власного матеріалу Б.Д. Грінченко]. – Репринт. вид. – К. : Лексикон, 1996. – Т.1-4; **СГНН** – Чабаненко В.А. Словник говорів Нижньої Наддінпрянщини / В.А. Чабаненко. – Запоріжжя, 1992. – Т.1-4; **СЗГ** – Аркушин Г.Л. Словник західнополіських говірок : у 2 т. / Г.Л. Аркушин. – Луцьк : Вежа, 2000 – Т. 1-2; **СПГ** – Лисенко П.С. Словник поліських говорів / П.С. Лисенко. – К. : Наук. думка, 1974 – 261 с.; **АУМ** – Атлас української мови : у 3 т. – К. : Наук. думка, 1984-2001. – Т.1-3.

УДК 81'373.422

Лоувская Л.В.
(Горловка, Україна)

О ПОНЯТИИ ИМПЛИЦИТНОЙ НОРМЫ В АНТОНИМИИ

У статті викладено результати квантитативного аналізу частотності вживання порівняльних ступенів прикметників, що утворюють антонімічні опозиції з тематичним змістом «оціночні характеристики людини». На підставі аналізу зроблено висновок про те, що взаємини таких антонімів регулюються мовною установкою, що не зводиться до поняття норми ні в експліцитній, ні в імпліцитній її інтерпретації.

Ключові слова: *аналіз, частотність, антонім, імпліцитна норма, заперечення, відсутність.*

В статье изложены результаты квантитативного анализа частности употребления сравнительных степеней прилагательных, образующих антонимические оппозиции с тематическим содержанием «оценочные характеристики человека». На основании анализа сделан вывод о том, что взаимоотношения таких антонимов регулируются речевой установкой, несводимой к понятию нормы ни в эксплицитной, ни в имплицитной ее интерпретации.

Ключевые слова: *анализ, частность, антоним, имплицитная норма, отрицание, отсутствие.*

The article presents the results of quantitative analysis of the particular use of the comparative degrees of adjectives, forming oppositions of antonyms with the thematic content «appraisal description of the person.» On the basis of the analysis it was concluded that the relationship of these antonyms are regulated with speech arrangement, irreducible to the notion of standards of any explicit or implicit of its interpretation.

Key words: *the analysis, the particular use, antonym, an implicit rule, the denial, the absence.*

Актуальность проблем, связанных с природой антонимии, обусловлена, кроме прочего почти полным отсутствием исследований, посвященных сопоставительному анализу антонимов различных языковых системах. Как подчеркивает современный исследователь: «Как и явление синонимии, антонимия до настоящего времени почти не рассматривалась в сопоставительном плане» [1: 128]. Однако, это, безусловно, не главная причина, по которой данная проблема может рассматриваться в ряду первостепенных в семантике. Как представляется, сравнительная семантика может способствовать углублению наших представлений о языке с точки зрения фундаментальной проблематики, не говоря уже о возможных практических приложениях результатов таких исследований, например, в сфере искусственного интеллекта и электронного перевода. Явлению антонимии следует уделить особое внимание в этом контексте: «Антонимия, или «противоположность по значению», уже давно признана в качестве одного из важнейших семантических отношений. Однако в этой области царит большая путаница, отчасти потому, что антонимия обычно рассматривается как отношение, дополнительное к синонимии, а отчасти потому, что большинство специалистов по семантике уделяют мало внимания различным видам «противоположности» [2: 485].

Именно в трактовке противоположности и кроется суть проблемы антонимии. В самом деле, как ни странно, понятие о противоположности – при кажущейся ясности и объективности его содержания, на самом деле, в очень значительной степени несет на себе отпечаток субъективности коммуницирующих субъектов. Так, Л. Новиков, автор монографии, посвященной антонимии, указывает на то, что: «... что ощущение и восприятие противоположности может в известной степени зависеть от возраста, профессии людей, географических, климатических и других условий их жизни и быть иногда достаточно субъективным [5: 7].

Степень объективности/субъективности противопоставления обусловлена характером критерия, по которому производится сравнение = противопоставление. В этом отношении сравнение внутри пары антонимов может быть либо эксплицитным, либо имплицитным: «Сравнение может быть эксплицитным или имплицитным. Эксплицитно-сравнительные предложения распадаются на два типа: 1) могут сравниваться две вещи относительно некоторого конкретного «свойства», и это «свойство» может преципироваться одной из них в большей степени, чем другой, например: Our house is bigger than yours «Наш дом больше, чем ваш»: 2) могут сравниваться два состояния одной и той же вещи относительно рассматриваемого «свойства», например: Our house is bigger than it used to be «Наш дом больше, чем он был раньше» [2: 488]. Однако наибольший интерес представляет собой имплицитное сравнение: «Многие псевдопроблемы в логике и философии происходят от невнимания ряда исследователей к тому факту, что слова типа big «большой» и small «маленький» или good «хороший» и bad «плохой» не соотносятся с независимо заданными противоположными качествами, а просто служат лексическими средствами градации (в терминах «более, чем» или «менее, чем» по отношению к какой-либо имплицитной норме) [2: 489].

Между тем, можно выделить группу антонимических пар, не подпадающих ни под одну из представленных категорий. Это пары, включающие прилагательные, обозначающие сугубо человеческие качества, как внешние, так и внутренние: ум, красоту,

глупость, щедрость и т. п. В самом деле, невозможно, видимо, определить «независимо заданное качество» щедрости или ума – с одной стороны, а, с другой – столь же проблематично вообразить имплицитную норму, к которой люди бы согласились как с мерилom ума. (Пословица гласит: «Сколько голов – столько умов»).

Ближайшим разрешением этой коллизии может служить предположение, что один из членов антонимической пары такого типа обозначает *отсутствие* качества, обозначаемого другим членом оппозиции. В таком случае, градация оказывается невозможной, как минимум, на одной из сторон семантической оппозиции, а именно – на стороне «отрицательного» члена. Подобные соображения уже высказывались исследователями. В одних случаях это было связано с несколько иными по значению антонимами: «... В оппозиции антонимов один из них предстает при их семантической интерпретации как положительный (здоровый), другой – как отрицательный (больной = не + здоровый), а само антиномическое отношение слов – как асимметричное. Негативный член оппозиции оказывается семантически более важным и более сложным» [5: 55].

С нашей точки зрения, очевидно, что оппозиция *больной – здоровый* отражает несколько иную ситуацию, нежели, например, оппозиция *глупый – умный*. Это непосредственно сказывается в невозможности образования сравнительной степени от прилагательных «здоровый» и «больной», тогда как от прилагательных «умный» и «глупый» эти степени образуются без семантических осложнений. На этом основании мы делаем вывод, что «отрицание» как тип отношения одного члена антонимической пары к другому (*больной – к здоровому*) не исчерпывает репертуара межантонимных отношений. В паре «умный – глупый» доминантой антонимии оказывается не отрицание одним членом оппозиции другого, а – обозначение отрицательным членом *отсутствия* качества, наличие которого обозначает другой член оппозиции.

Такой подход не нов, но до сих пор был предметом специального обсуждения, в основном, для логиков. В своем роде классическая контраргументация представлена в следующем рассуждении: «Что касается таких примеров, как темнота – свет, глупость – ум, то здесь оба противоречащих друг другу понятия выражены положительно. (...) Ведь под глупостью мы понимаем вполне определенное человеческое качество. И все мы назовем человека, лишённого его – умным. Единственным основанием считать глупость отрицательным понятием, является то, что оно нам не нравится. На этом же основании можно было бы считать отрицательным такие понятия, как «лень», «обжорство», «эгоизм», «скудость». Но здесь мы полностью покидаем почву логики» [4: 63].

Не видя перспектив в чисто логической полемике, мы намерены аргументировать свою позицию, сформированную под влиянием взглядов Л. Новикова и А. Вежбицкой, на собственно лингвистическом материале. Мы намерены доказать существование особого типа антонимов, по отношению к которым неактуально ни одно из существующих определений внешней нормы, на фоне которой осуществляется сравнение, ни эксплицитной, ни имплицитной. Как представляется, первичный материал для более четкой постановки вопроса о семантической асимметрии в антиномических парах может дать количественный анализ употребления, в частности, степеней сравнения, образованных от прилагательных, образующих соответствующие антиномические пары. Гипотеза, подлежащая предварительной проверке, состоит в том, что, если согласиться с предположением, согласно которому значение одного из членов антиномической пары может быть сведено

к обозначению *отсутствия* у лица или предмета качества, наличие которого обозначает противоположный по значению член пары, то следует ожидать низкую продуктивность образования степеней сравнения от антонима, обозначающего отсутствие некоего качества по сравнению с антонимом, обозначающим наличие этого качества. Такой прогноз мы делаем на основании логического аргумента: коль скоро прилагательное, например, «злой» обозначает не определенное качество характера, а отсутствие такого качества, как «доброта», то возможность сравнения между собой двух «пустых» содержаний оказывается проблематичной (хотя, конечно, допустимой при определенных обстоятельствах), вне зависимости от того, сравниваются ли два состояния одного и того же человека, либо два разных человека. Поскольку отдаленной целью нашей работы является доказательство универсальности такой антонимической доминанты, мы провели анализ на материале двух языков, русского и английского.

Было рассмотрено десять прилагательных в сравнительной степени от пяти пар антонимов: *умный-глупый*; *добрый-злой*; *красивый-уродливый*; *щедрый-скупой* и *счастливый-несчастный* – в русском языке и, соответственно: *clever – stupid*; *good – malicious*; *beautiful – ugly*; *generous – avaricious*; *happy-unfortunate*; – в английском.

Исследование было проведено на базе поисковых систем Яндекс и Google, а также на базе Национального корпуса русского языка и четырех корпусов английского языка: Британского национального корпуса, корпуса современного американского английского, корпуса журнала «ТМЕ» и корпуса исторического американского английского.

Результаты исследования:

Русский язык

1. *Умный – глупый*. ЯНДЕКС: *умнее* – 4 млн.; *глупее* – 882 тыс.

НКРЯ: *умнее* – найдено 981 документ, 651 вхождение, *глупее* – найдено 440 документов, 611 вхождений.

2. *Добрый – злой*. ЯНДЕКС: *Добрее* – 2 млн.; *злее* – 476 тыс.

НКРЯ: *добрее* – найдено 357 документов, 437 вхождений; *злее* – найдено 253 документа, 311 вхождений.

3. *Щедрый-скупой*.

ЯНДЕКС: *щедрее* – 113 тыс.; *скупее* – 21 тыс.

НКРЯ: *щедрее* – найдено 86 документов, 92 вхождения; *скупее* – найдено 34 документа, 34 вхождения.

4. *Красивый – уродливый*.

ЯНДЕКС: *красивее* – 3 млн.; *уродливее* – 41 тыс.

НКРЯ: *красивее* – найдено 608 документов, 829 вхождений; *уродливее* – найдено 24 документа, 25 вхождений.

5. *Счастливый – несчастный*.

ЯНДЕКС: *счастливее* – 1 млн.; *несчастнее* – 101 тыс.

НКРЯ: *счастливее* – найдено 440 документов, 621 вхождение; *несчастнее* – найдено 100 документов, 131 вхождение.

Английский язык

1. *Clever – stupid*

Google: *more clever* – 42 000 000; *more stupid* – 20 700 000.

BNK, COCA, TIME, COHA: *more clever* – 21, 94, 16, 93; *more stupid* – 19, 55, 22, 82.

2. *Good – malicious*

Google: *more kind* – 685 000 000, *more angry* – 209 000 000.

BNK, COCA, TIME, COHA: *more kind* – 16, 65, 3, 103; *more angry* – 38, 171, 23, 187.

3. *Beautiful - ugly*

Google: *more beautiful* – 904 000 000, *more ugly* – 90 000 000.

BNK, COCA, TIME, COHA: *more beautiful* – 114, 839, 138, 2047; *more ugly* – 9, 23, 6, 31.

4. *Generous - avaricious*

Google: *more generous* – 48 000 000, *more avaricious* – 389 000.

BNK, COCA, TIME, COHA: *more generous* – 165, 434, 135, 486, *more avaricious* – 2, – , – , 7.

5. *Happy – unfortunate*

Google: *more happy* – 1 150 000 000, *more unfortunate* – 25 000 900.

BNK, COCA, TIME, COHA: *more happy* – 22, 93, 13, 240; *more unfortunate* – 11, 33, 21, 154.

Проведенный анализ позволяет зафиксировать существенно большую продуктивность в образовании сравнительных степеней от прилагательных со значением «положительное человеческое качество»: добрый, красивый, умный, щедрый, счастливый. Важно отметить, что полученные результаты практически одинаковы для обоих языков, состав которых был подвергнут первичному анализу в данном направлении.

С нашей точки зрения, это может служить косвенным подтверждением гипотезы о том, что соответствующие антонимы-прилагательные со значением «отрицательное человеческое качество» обозначают не наличие того или иного качества, противоположного по содержанию положительному, а – отсутствие положительного качества.

Дальнейший анализ должен принять во внимание следующие возможности: следует учесть развитие и, возможно, эволюцию человеческих представлений о мире и самом человеке: эти изменения можно «засечь», кроме прочего, не только в содержании соответствующих философских текстов, но и в таких характеристиках словоупотребления, которые изменяются (эволюционируют) вне зависимости от сознательного участия человека в порождении высказываний. Одной из таких характеристик и является, частности, интенсивность и продуктивность различных словообразовательных тактик. Материалы, собранные в английских корпусах уже сейчас позволяют провести сравнительный анализ изменения частотности словоупотребления не только по жанрово-тематическому принципу, но и хронологически.

В пределах нашего собственного исследования несомненный интерес представляет анализ сравнительной частотности употребления сравнительных конструкций с «как». В перспективе развития нашей гипотезы, следует, видимо ожидать большую продуктивность образования конструкций с «как» с участием, условно говоря, отрицательных членов антонимических оппозиций. Этот предположение опирается на обыденный языковой опыт, с одной стороны. Ср: «глуп, как пробка, баран, дуб» и т. д.: глупость (тупость) атрибутируется, по большей части, неживым объектам или животным. То же можно наблюдать, например, и для прилагательного «уродливый». Положительные же члены

опозиції або взагалі не входять в порівняльні конструкції з «як», або входять в них при умові, що порівняння проводиться з людиною.

Такої ж інтерес повинен представляти аналіз моделей типу «стало менше» і под., позначаючих інтенсифікацію того іл іншого якості. Тут також можна очікувати значительного переваги на стороні конструкцій з позитивним опорним прилагательним.

ЛИТЕРАТУРА

1. Которова Е. Г. Проблема міжм'язикової еквівалентності в лексическій семантиці (на основі аналізу російського і німецького мов): дисс. ... доктора філол. наук: 10.02.19 / Которова Єлизавета Георгіївна. – М., 2002. – 259 с.

2. Лайонз Д. Введення в теоретическу лінгвістику / Джон Лайонз. – М.: Едиториал. УРСС, 2010. – 544 с.

3. Лайонз Д. Лінгвістическа семантика: Введення (пер. з англ. Морозов В.В., Шатуновський І.Б.; под ред. Шатуновського І.Б.) – М.: Яз. славян. культури, 2003. – 400 с.

4. Уёмов А.И. Проблема отрицательных определений // Логико-грамматические очерки – М.: Высшая школа, 1961. - С. 59-66.

5. Новиков Л. А. Антиномия в русском языке. Семантический анализ противоположностей в лексике / Л. А. Новиков. – М.: Изд-во Московского университета, 1973. – 292 с.

УДК: 811.124:378

Балалаєва О.Ю.
(Київ, Україна)

ЕТИМОЛОГІЯ ЛАТИНСЬКИХ НАЗВ РОСЛИН

У статті розглядається походження деяких латинських назв рослин, наводиться їх класифікація за інформативним компонентом.

Ключові слова: *етимологія, ботанічна номенклатура, латинська мова.*

В статті розглядається походження деяких латинських назв рослин, наводиться їх класифікація за інформативним компонентом.

Ключевые слова: *этимология, ботаническая номенклатура, латинский язык.*

The article deals with etymology of some Latin names of plants, their classification by informative component is given.

Key words: *etymology, botanic nomenclature, Latin language.*

Як відомо, основною таксономічною категорією біологічної систематики є вид [1:65]. Латинські назви видів рослин є біноміальними, тобто вони складаються з двох слів: назви роду і видового епітета [2:22].

© Балалаєва О. Ю., 2011